

Перед самым Новым годом, 30 декабря 2017 года, в Баку пришла скорбная весть: в Сан-Франциско на 89-м году жизни скончался выдающийся азербайджанский и советский пианист, народный артист Азербайджана, профессор, кавалер ордена «Шохрет» Чингиз Садыхов. Блистательный музыкант, легенда национального музыкального искусства, последние два десятка лет он жил в США, где получил вид на жительство как «выдающаяся личность», много гастролировал и выпустил два диска – на одном записал свое исполнение американской музыки из репертуара Эллы Фицджеральд и Фрэнк Синатры, на другом – произведения азербайджанских композиторов. Но никогда своей связи с Азербайджаном не прерывал – даже похоронить себя завещал в родном Баку. Желание выдающегося музыканта выполнено: по указанию президента страны Ильхама Алиева он был предан земле в Аллее почетного захоронения. «Литературный Азербайджан», отдавая дань светлой памяти Чингиза Садыхова, публикует два материала, посвященные ему, – рецензию на незабываемый филармонический концерт, состоявшийся во время последнего приезда маэстро на родину, и беседу с ним.

публикует два материала, посвященные ему, – рецензию на незабываемый филармонический концерт, состоявшийся во время последнего приезда маэстро на родину, и беседу с ним.

НАТАВАН ФАИГ

Король вненотного репертуара

Выдающийся пианист, народный артист Азербайджана, профессор Чингиз Садыхов сегодня проживает в Сан-Франциско. Причем, по странному стечению обстоятельств – все на свете имеет свою внутреннюю логику! – на улице Тюркской. Как отметила ведущая концерта, музыковед, профессор Аида Гусейнова, «под его пальцами фортепиано заговорило по-азербайджански».

Волна постсоветской неразберихи унесла его за океан. И, тем не менее, и там он чувствует себя посланником своей страны, с ее фантастическим духовным потенциалом – там, вдали, это чувствуешь острее – и древнейшими культурными традициями.

Все это время он не сидел без дела, по приглашению Индианского университета выступал с концертами, сольными и сопроводительными – аккомпанировал хору этого университета, исполнявшему азербайджанские народные песни, давал мастер-классы. Газеты писали о «непревзойденном Маэстро Садыхове», в Америке он выпустил 4 диска, а Общество азербайджанцев штата Калифорнии отметило его почетным дипломом ...

Песня – визитная карточка времени, с этим не поспоришь. Песнями эпоха помнится. И так было всегда. Он играл, и под его говорящими пальцами оживала эпоха – та самая, которую мы так дружно и охотно хулим. Подумалось – да как она могла быть «не той», если там жили Рашид и Шовкет, Узеир и Рубаба? Благородная романсовость «Üzüyümün qaşı firuzədənig», волнующий трепет «Sən mənim sən, mən sənin», шаловливый задор «Nəlbəki», лирическая бездна «Küçələgə su səpmişəm» и амировской «Mən səni aragam» – этой мини-драмы вселенского масштаба – чарующие мелодии из-под его пальцев жем-

чужным потоком лились в зал, а мы плескались в этом ностальгическом восторге, не веря ушам своим... Чингиз возвращал нам лучшие песенные времена, а мы верили, что они вернулись – и как не поверить: вот же он – играет, а мы хлопаем. Заговорило, нет, запело время, откуда все мы родом.

Он не вставал и не кланялся между «номерами», а лишь хитро улыбался краешком глаз: «Это еще что – то ли еще будет!» Он играл без пауз, словно взхлеб, играл жадно, и, казалось, ничто на свете не в силах утолить эту его жажду. Понятно, соскучился. А нам хотелось лишь одного, чтобы вечер этот не кончался...

Песни сменяли одна другую с калейдоскопической быстротой, вызывая чувства и мысли. Невеселые подчас. В наши дни мало кто из композиторов-песенников ходит со своим лицом, и то, что нам иной раз выдается под флагом «азербайджанской песни», зачастую не что иное, как субститут чего-то с чем-то, не имеющего внятного обозначения. Становится бесконечно обидно за безжалостно разрушенные традиции. Сама профессия песенного творца сегодня порядком дискредитирована – все мы об этом хорошо знаем и много говорим. Но степень этой дискредитации вскрылась на концерте Чингиза Садыхова!

Он уехал отсюда до варварского нашествия на эстраду, прихватив то сокровенное, чему посвятил жизнь, – азербайджанскую песню. Уехал, прихватив с собой этот ларчик, не дав его замарать, словно законсервировал. И сейчас с видом доброго волшебника щедро одаривал нас из своего чудодейственного сундучка, посылая подарок за подарком, с лукавинкой, по-садыховски улыбаясь. Он действительно напоминал доброго волшебника: «А как вам это... а это... а вот то...», выдавал взрывы гениальной фантазии – один за другим. Зрители же, не успев насладиться одной чудо-мелодией, буквально захлебывались в водовороте следующей. Он все одаривал нас ими – горстями бросал в зал, как цветы, то, по чему мы, оказывается, так истосковались. Происходящее все больше походило на сеанс очищения, духовного расшлаковывания – после того мутного потока, которым нас столь щедро потчует ТВ. Канализационный люк был перекрыт, и вновь журчал родник.

«Qubanın ağ alması», «Laçın», «Sarı gəlin» – последняя вызвала одобрительную, нет, прямо-таки патриотическую бурю аплодисментов! После этого сомневаться в принадлежности песни кому-то еще мог только злонамеренный недруг – ну, вовек им не исполнить эту песню так, как это сделал Чингиз Садыхов! Песни золотились в его изумительных руках, навевая то грусть, то шутивную игривость, то бравость. В какой-то момент мне показалось, что все мы находимся на игре «Угадай мелодию», и то, что авторство песен не объявлялось (в этом просто не было надобности), усиливало это ощущение. Он со сцены подкидывал загадку в зал, а отгадка не заставляла себя долго ждать – мы угадывали мелодии уже с первой ноты, а иной раз – и с полузвуча... И второй ноты уже и не требовалось.

А сеанс мелотерапии продолжался. Я не оговорила, они, эти песни, действительно обладают счастливой способностью исцелять, как и западать в душу с первого звучания. Удивительно искристая, «вкусная» музыка – недаром ведь азербайджанская музыка завоевала в свое время пространство бывшего СССР, занимая в нем ведущие песенные позиции. И это – было! Не без зависти представляла, как все это слушают американцы. Мысль о том, что вот, он скоро уедет и будет там вот так вот ублажать слух заморских меломанов, – уложив «солнышко» в ларчик, оставив нас один на один с ненавистой попсой... Мысль эту отогнать становилось трудней с каждой новой песней.

А потом были дуэты – с заслуженными артистами Азербайджана Азерин и Азером Зейналовым, народным артистом, таристом Рамизом Кулиевым, – маэстро и тут остался верен себе, выбор его партнеров говорил сам за себя: с дилетантами дела не имею. Он из тех, кто по-прежнему держит свои профессиональные границы на замке, умеет огра-

дить свою обитель, – Музыку – от ненужных примесей псевдоискусства, обитель, выбранную им когда-то – один раз и на всю жизнь. И, следуя своему кредо, отобрал лучших – не из ениулдузников. Расчет оказался точным, они старались изо всех сил – соответствовать уровню прославленного маэстро, который им вдохновенно аккомпанировал. Удостоиться такой чести – когда еще доведется? Чуткость, немислимый синхрон, и невольно: когда это они спелись – он ведь только с самолета...

На концерте мы еще раз убедились в его невероятном, врожденном даре сопровождения, умении с ходу подыграть любому музыканту, будь он инструменталист или вокалист. Редкий, прямо скажем, дар – это можно утверждать уже хотя бы потому, что он у нас так и остался – единственным в своем роде, и преемников что-то не видеть.

И если с Рамизом Кулиевым все было относительно ясно – он играл с ним когда-то, правда, в последний раз это было в начале 80-х, когда они записывались на Всесоюзном радио, но ведь их так многое «роднит»: оба мастера-виртуозы, преданные традициям, рьяные пропагандисты отечественной музыкальной культуры, влюбленные в однажды избранный инструмент... Им было о чем поговорить, что вспомнить.

Что до других дуэтов, то они «родились» на наших глазах, если не считать, что с Азерин он выступал лишь однажды – в Анталии, на Международном конгрессе азербайджанской интеллигенции, а с Азером Зейналовым встретился в Торонто – на концерте, посвященном 120-летию Уз.Гаджибекова. И – все! Думаю, тут впору говорить о телепатическом даре Садыхова.

Мы живем во времена, когда все – солисты. На фоне этого нестройного, чудовищно диссонансирующего « хора запевал » Ч.Садыхов давал уроки деликатности и такта: умение прислушаться, дать выговориться, а значит, способность жить в контексте (и это-то при наличии феерического собственного дарования!). Утраченное, что и говорить, ценнейшее свойство. Почти как атавизм. А ведь именно эти качества являются доминирующими в профессии аккомпаниатора – обеспечить максимальный комфорт поющему коллеге, отвечая за «самочувствие» сцены и зала.

Одну из композиций-обработок, вошедших в его авторский диск, исполнил заслуженный артист Азербайджана Мурад Адыгезалзаде. Он сделал это блистательно, чем заслужил дорогого стоящую похвалу мэтра. Это когда кончил играть, а пока играл, мэтр стоял рядом, одобрительно поглаживая его по плечу.

А потом был снова Он. Ну, а зрители, они взяли в его обволакивающим обаянии – мы как-то и подзабыли, что артист должен быть обаятельным. А древний «Лачин» в его трактовке словно оплакивал свою будущую незавидную судьбу. Вздрагиваю, оторопеваю – в который уже раз: неужели можно предвидеть такое? Положительный ответ напрашивался сам собой – если существует песня, силу воздействия которой не истерла пыль эпох...

А зрители все несли и несли цветы – к памятнику, казалось, азербайджанской песне, стильной, элитарной, обнажающей высокую духовную организацию ее создателей и легендарных интерпретаторов. Они, эти композиторы, чувствовали стихию человеческого сердца, каждый его уголок, и, естественно, она ставила перед интерпретаторами непростые задачи – музыке этой противопоказано все внешнее, подмена душевного страдания истерикой, воплями и тому подобной атрибутикой. Здесь нужно нечто другое – духовный экстаз...

Чингиз Садыхов одним своим приездом оздоровил песенную обстановку в стране, встряхнув нас, погрязших было в современной эстрадной рутине. А еще его искусство способно внушать, что жизнь, сам дар жизни – драгоценен... Сколько же мелодических тем, сколько мотивов способен он удержать в памяти? И каких мотивов! Он из тех, про кого говорят: пленник музыки. А в тот вечер в его плен попали мы, но никто не рвался из него...

А маэстро продолжал дарить – кому детство, кому юность, кому первую любовь или рефрен песни, который так любил напевать по утрам ушедший из жизни отец...

Большинство этих мелодий было, как это тогда водилось, из кинофильмов тех лет. И снова ступор – как же серьезно относились к жанру «десятой музыки», если уже и фильма нет, а песня – она пережила свой «повод» и звучит, как только что созданная!

Он возвращал нам Азербайджан – звонкий, поющий, бесконечно талантливый, а в памяти всплывал сонм величайших «толкователей» этих мини-шедевров – легендарных их интерпретаторов.

Песни эти имеют неоспоримое свойство: они с годами становятся лучше, что, в принципе, противоречит специфике жанра – их ведь называют «однодневками». Однако, чем больше их поют, тем больше их хочется слушать. Почему такого не происходит с песней сегодня?

А медитация продолжалась. «Narda qaldın», «Aman, ovçu» – зал живо откликнулся на каждое его намерение, каждый хит, к слову сказать, вечер объяснил мне, наконец, что это такое. Это когда попадаешь в десятку. Десятку души.

Пианист не просто демонстрировал пальцевую удаль (хотя как тут без нее), это было обоснование своего жизненного выбора – азербайджанской песни. Ну как ее не любить! «Да что там жизнь – я бы и две, и три ей, песне, посвятил – все мало!» – как бы говорило его блистательное искусство. Это был призыв-вопрос: являемся ли мы сегодня достойными наследниками нашей прошлой высокой духовности?

Чингиз возвращал нам родину – духовно утраченную, представляя разностилистическую палитру почерков мастеров азербайджанской песни. «Апа» Джангира Джангирова – коронный бейбутовский шедевр, этот трактат о матери. Внезапно подумалось о том, что, звучи она чаще сегодня, быть может, – кто знает, – начнут пустеть дома для престарелых... «Сегях», «Баяты Шираз», кулиевская «Песня о Баку»... Пиршество колора. Пиршество духа и души.

Песни шли нескончаемым потоком, нередко со стертым от времени авторством музыки и стиха, и это не казалось уж очень предосудительным, потому что они давно уже – всенародные! И вот он, закономерный акцент концерта – «Аршин мал алан»! Песни и арии из него в исполнении Азера Зейналова – блистательный вокал в обрамлении россыпи блистательных отыгрышей!

Чингиз играл концерт, как всегда, наизусть, и, тем не менее, на пюпитре стоял листочек – список очередности исполнения номеров. Да и как это запомнить, что за чем, – программа-то была вон какой насыщенной. Неплохо бы, чтоб он, уезжая, оставил его здесь, этот список, для нынешних наших «певунов» и тех, кто пишет им «репертуар» – тех, кого становится все больше и больше с каждым даже не днем, а часом. Листочек этот – как руководство к действию, остепеняющая оглядка. Оглядка, которую мы утерjali.

Не листочек, а клад, или – кладезь?

Чингиз Садыхов – это не легенда, что давно уже нежится в своем гулке «эхо». Вернее, легенда, но – играющая, и говорить здесь о его профессиональной форме сродни кощунству. Впрочем, думаю, это был тот самый случай, когда бы простился любой ляпсус – случайно задетая нота, не очень уклюжий пассаж, с кем не бывает... Наверняка бы простился. Но их – не было!

Он играл мелодии, божественно их гармонизуя и задиристо ритмуя. А мастерство – это когда нет плохих инструментов, или ненастроенных... Мелодии выпрыгивали из него, как из волшебного ларчика, мелодии, которыми он переполнен – до краев... Повествовательная неторопливость итальянских песен – вечных, как Рим. Или как мир – впрочем, все это уже не имело значения...

А под конец он...спел. Под свой собственный аккомпанемент, со своей, родной до боли, шепелявинкой. Спел песню, которую, по его словам, так любил Гейдар Алиев.

«Ağagöz»... «Где бы мы ни встречались, если вдруг в кустах оказывался рояль, он просил меня сыграть ее». Чингиз пел – душевно, по-бакински, как-то не по-вокальному. Пел чисто, в том числе в смысле семантики души, без иноземно-кощунственного акцента. «Gözəlim sənsən»... Голос иногда местами срывался – не потому, что был плохо распет, просто слова там такие, что... «Köynəyi sarı... gəl mənə sarı... tikanı yox eylə... yaramı sarı... я ранен, приди, перевяжи рану души...» А я вспомнила его слова, сказанные в телеинтервью: «Баку – это как вечный шрам на сердце. Незаживающий...И эту рану уже – не залечить».

Элегический налет, царящий в тот вечер... Наверное, выскажу парадоксальную (крамольную?) мысль – но то был урок патриотизма. Да-да, он продемонстрировал не на словах, а на деле, что такое настоящий – не квасной – патриотизм – без криков на митингах и биения себя в грудь. Бакинский интеллигент – в чем только не упрекали его. Каких ярлыков не навешивали! И «русскоязычный» он, и «американский невозвращенец», и «диссидент». Побольше бы таких диссидентов, за которых – не стыдно. Соотечественника, к сожалению сегодня больше знают по рынкам и криминальным новостям... Есть люди, после встречи с которыми приходит – а может, возвращается, новое понимание мира. Это как после посещения египетских пирамид. Выходит, пока мы тут американизируемся – в худшем значении этого слова, макдональдизируя не только кухню, но и святое – песню, – он сохранил в себе азербайджанца. И кто из нас после этого – диссидент?

Чингиз играл, без напряжения и вздувшихся от ора жил на шее, убеждая, что можно быть патриотом, просто блаженствуя за роялем, перебирая любимые песни, причем делать это так, что слеза наворачивается, – и не только у азербайджанцев. Являя островок песенности, уцелевший в шлягерно-маршрутной стихии – нелепой и вечной, как бесталанность...

Последняя часть вечера, названная Аидой Гусейновой «заключительными аккордами бакинского концерта Чингиза Садыхова», явилась, по ее словам, «американским аналогом азербайджанской музыки». Почему? «Да потому, что «вновь – 60-70-е годы, с их искренней интонацией и роскошным мелодизмом». Звучали мелодии из Фрэнка Синатры, отрывки из оперы Гершвина «Порги и Бесс», в том числе знаменитая колыбельная («Рапсодия в блюзовом стиле») и «Женщина, которую я люблю» – хиты мирового ареала.

А еще он благодарил зал за то, что его не забыли, и напоследок преподнес традиционный куплет, посвященный жене, музе жизни – Джейран-ханым...

Чингиз САДЫХОВ, народный артист Азербайджана:

«Баку – это вечная полоса на сердце».

Когда-то я училась в 16-й музыкальной школе, директором которой в то время являлся Чингиз Садыхов. Откровенно говоря, имя мне это тогда мало о чем говорило. Ну, концертмейстер, человек, который дает возможность высказаться другим, сам при этом оставаясь в тени. Человек-огранка. И невдомек было мне, пятиклашке, что все обстояло едва ли не с точностью до наоборот, и что уже те самые встречи, которыми его одарила судьба, – они, в свою очередь, ведь тоже составили феерическую огранку судьбы его собственной! И что уже одной из них с лихвой достаточно (даже шапочного знакомства, не говоря уже об активном сотрудничестве), чтобы обеспечить себе пожизненный безоговорочный авторитет, получить бессрочный лимит престижности и социальной значимости. Рашид Бейбутов и Тофик Кулиев, Кара Караев и Муслим Магомаев, Фикрет Амиров и Шовкет Алекперова, Райкин и Утесов, Огневцев и Атлантов...

Сегодня я с щемящей тоской вспоминаю, как он музицировал в зале школы – наедине с собой. Впрочем, что я говорю, он, конечно же, был не один – то было особенное общение с корифеями песни, а мелодии, что лились из-под его пальцев, услодой обволакивали школьное помещение. Мы же, дети, «пришпорив» ход ненавистных гамм и этюдов, жадно вслушивались в эти звуки из актового зала под непротестующие улыбки учителей – они нас понимали, что само по себе случалось нечасто. Школа замирала в ожидании очередного директорского импровизационного виража – такого интимного общения пианиста с автором я больше никогда не встречала. Особенно запомнилась шедевально-бейбутовская «Апа»; Чингиз Садыхов ворожил на рояле, сам того не желая парализуя учебный процесс, а мы «воочию» слышали рашидовские обертоны, его «поющие» паузы, придыхания... Казалось бы – что тут такого, ну, играет директор себе, отдыхает. Теперь понимаю: вот так, «отдыхая», он ненавязчиво, без назидания и муштры, на собственном примере обозначал ту высоту исполнительства, к которой должен стремиться каждый профессионал. Так он, Садыхов, «дезорганизуя», учил. То был мастер-класс. Из тех, что не забываются...

Н.Ф. *Чингиз-муаллим, вы не преподавали. А реально ли это – обучить искусству деликатного сопровождения, изначально включающего в себя способность прислушаться к другому? Учитывать его интересы, нередко с ходу вживаться в его всегда непредсказуемую трактовку – вы ведь имели дело исключительно с гениями? С этим знанием нужно родиться или...*

– Я не хочу говорить сейчас о себе, буду говорить вообще. Аккомпаниатором надо родиться, этому научиться нельзя. Это либо есть, либо нет. Это от Бога. Объясню, почему. Настоящий аккомпаниатор – человек со-пе-ре-жи-ва-ю-щий. Тот, кто, аккомпанируя, не отвлекается на ноты, на пальцы и прочее, все его внимание – исключительно на вокалисте. Видите ли, человеческое горло – это все-таки не инструмент, не механика. И с ним может случиться все, что хотите, вернее, не хотите: певец вдруг может не взять верхнюю ноту или взять неправильное дыхание, может просто быть не в форме или в горло может попасть какая-то мокрота – черт его знает, миллион таких вещей бывает! И неопытный аккомпаниатор – не тот, который вместе с ним переживает, не тот, который «несет» его, – он может точно так же дать маху, сделав оплошность солиста достоянием публики. Опытный же сделает так, что она ничего не заметит... Что касается преподавания, я работал в консерватории на концертмейстерской кафедре, только начинал, отъезд прервал эти намерения. Жаль! Хотя – ну как этому обучишь?

– *Выходит, человек за роялем – это некий тыл...*

– В том-то и дело – это железный тыл, поэтому-то все эти вокалисты, которые со мной работали, всегда мне говорили: мы с тобой как за каменной стеной. Иными словами, можем делать все, что хотим. А я их держу, я их не выпускаю. Искусство аккомпаниатора – очень трудная профессия. Это понимают максимум 3-4 человека в зале. Я неизменно вижу только профиль – правый профиль выступающего, и этого уже достаточно, чтобы безошибочно определить – возьмет ли он ту или иную верхнюю ноту или воздержится на сей раз. Высокопрофессиональный аккомпаниатор может средней руки певца поднять на недостижимый уровень, а талантливого – угробить. Поэтому вокалисты выбирают того, кто может им помочь. Я всегда аккомпанирую наизусть, без нот, – все в голове и пальцах. Вот на концерте в филармонии от меня тарист почему-то «убежал» (*смеется*). Я терпел, терпел, догонял его, догонял... Потом я понял, что это бесполезно. Остановился и играл так, как бы формально, вернее, почти не играл. Знаете, это бывает, человек настолько разошелся эмоционально, что перестал чувствовать партнера. Но вот когда я работал с Рашидом – у нас все с ним было настолько отточено, настолько отрепетировано, причем я говорю не только о музыкальной части выступления. Мы знали наверняка, кто

из какой кулисы выходит, кто как подходит к роялю, кто как кланяется... То есть – все абсолютно, до мельчайших нюансов! Это и есть закон сцены. Культура сцены. К величайшему сожалению, сегодня очень многие этой культуры не знают. Элементарно утратили.

– *Вы все больше именно с вокалистами имели дело?*

– Как-то так получилось. Может, оттого, что я специализировался именно на азербайджанской музыке, а ее, в основном, поют. А может, они сами меня выбирали – не знаю. Так или иначе, все ведущие вокалисты Азербайджана, какие только были на белом свете, – все они присутствовали в моей биографии. Я работал и с Бюльбюлем, и с Рашидом, и с Муслимом, и с Франгиз Ахмедовой, и с Шовкет Алекперовой, и с Лютфяром Имановым, и с сестрами Касимовыми...

– *Расскажите о вашем сотрудничестве с Бюльбюлем.*

– С Бюльбюлем я работал мало. Получилось так, что когда я приехал из московской аспирантуры, в 1953 году, заболел его постоянный аккомпаниатор, был такой – Козлов...

– *«Не та Володя»?*

– Вот-вот, та самая, знаменитая реплика. Кстати, это было на открытии Мингячевирской ГЭС, куда приехал Бюльбюль. Я тоже там был, должен был аккомпанировать другим. На нашей эстраде был такой старый-старый Володя Фельдман, больше тапер, чем аккомпаниатор. А Козлов заболел и не приехал, о чем Бюльбюль не знал, и когда днем мы пошли репетировать в зал, он неожиданно за пианино увидел Фельдмана. Бюльбюль повернулся: «А где Володя?» Ему говорят: «Вот Володя». «Дарагой, эта не та Володя». И вот это осталось с того времени, да. А у Володи Козлова был страшный диабет, он каждый день вкалывал инсулин. В тот день он то ли забыл это сделать, то ли еще почему, но с ним случился приступ. Ему было очень плохо, а Бюльбюлю надо было ехать на гастроли по всей Средней Азии – Туркмения, Узбекистан, Казахстан, Киргизстан, Таджикистан. Такое вот турне предстояло, по пяти республикам. Он мне позвонил и говорит: «Чангиз бала (так он меня называл), mənim konsertlərim var, gedərsən mənə? Sən yaxşı azərbaycan musiqisini çalırsan».

– *А сколько вам в ту пору было лет?*

– Сейчас я вам скажу – я 29-го года рождения, это был 53-й, значит, мне было 24. Ну, вот мы и поехали. А я к тому времени окончил аспирантуру в Москве у Александра Борисовича Гольденвейзера и рьяно готовился к карьере солиста – пианиста-классика. Ну, а азербайджанскую музыку играл для себя, в компаниях, как это обычно водится...

– *Можно сказать, что встреча с Бюльбюлем стала неким поворотным пунктом, точкой иного отсчета.*

– Безусловно. И вот когда я поехал с ним на гастроли, вдруг понял, что это – мое! Это то, что я могу делать лучше многих, это то, что мне ближе всего к сердцу, и это то, чему я могу отдать все, что умею. Солистов-пианистов по всему миру – как собак нерезанных, понимаете? А вот то, что делаю я, у нас в Азербайджане никто не делает, и, не исключено, вообще никто не делает.

– *Если можно, об этом поподробнее.*

– В каком смысле «никто не делает?» Объясню. Дело в том, что я первым понял, что пора национальную азербайджанскую музыку выводить на европейский уровень – речь идет о народной музыке. Классическая азербайджанская музыка в лице К.Караева, Дж. Гаджиева, Ф. Амирова и других выведена на международную арену. А вот наша народная музыка – не выведена. Почему? Да потому, что на нее смотрят как на экзотику. Это как если бы ансамбль танца племени юмбы-мумбы приехал и станцевал свой народный танец – это вот и есть экзотика, которую посмотрели и... забыли. То же самое азербайджанская музыка – это как приправа к европейской кухне, не более того. А я стараюсь азербайджанскую музыку играть в европейской манере: с их гармониями, подголосками, то есть с тем, что они привыкли слышать. Но в то же время основа – азербайджанская,

понимаете? Основа наша, а все остальное – в привычном для них обрамлении. И им это дико нравится! Вы себе не представляете, как американцы слушают, когда я играю азербайджанскую музыку! Женщины плачут прямо в зале – честное слово, вот свидетель живой (*показывает на супругу, Джейран-ханым*). Получается симбиоз азербайджанской музыки с европейским, что ли, уклоном.

– *А вот между тем, как вы играли тогда с Бюльбюлем, и тем, что делаете сейчас, – разница большая?*

– Большая, очень большая. Тогда я на многое выходил по наитию, осознание же значимости того, что я делаю, как и профессионализм, пришли с годами. Ну вот, мы ездили с ним по республикам, и после этого я понял, что именно этим мне и надо заниматься. Потом я год проработал просто так, для зарабатывания денег, на эстраде, после чего меня «спаровали» с Рашидом. Причем, не спрашивая у меня ни о чем, просто позвонили и сказали: приходи в филармонию. Я пришел, мне говорят: в общем, так, ты будешь работать с Рашидом. И все, возражения не принимаются. Мы полгода с ним репетировали, – пол-го-да не давали ни одного концерта, – с утра до вечера. Он был невероятно капризным и непреклонно-железным в отношении всего того, что касается сценической культуры. Эту самую сценическую культуру мы вырабатывали со страшной силой! Причем, это касалось абсолютно всего – и его пения, и моего аккомпанемента, все было настолько железно, что разбуди нас ночью, это было бы то же самое, как если бы мы три дня репетировали и вышли на сцену! В этом я, конечно, преклонялся перед Рашидом, как и перед его голосом – фантастически пластичным, с чудо-тембром... Мягкий баритон, переходящий в высокий бас, – такой тембровой фактуры ну, ни у кого нет! Лиризм этого голоса проникал человеку в самые потайные уголки души. Он так и остался непревзойденным – до сих пор. Так вот, семь лет я с ним работал – с 56-го до 62-го.

– *А потом был ...*

– Муслим, с которым я начинал в 64-м году и – до самого 71-го. Это была эпоха Магомаева, такой популярности мир не знал и вряд ли узнает! Мне смешно сегодня видеть потуги иных певунов, эту их вызывающую эпатажность – да им такая слава и не снилась! И этот вот триумф Муслима я наблюдал изо дня в день. Помню, секретари местных обкомов партии часами простаивали у дверей его гостиничных номеров в ожидании, когда же Его величество Магомаев проснется! Все это было! А я все эти годы был с ним, Муслим так и говорил, что мы с Джейран ему как отец и мать. Знаете, я практически никого ни с кем не «разбавлял» – лишь изредка играл Лютфиару Иманову, с которым мы ездили по Союзу, девочкам – сестрам Касимовым. А в 1971 году меня вызвал Закир Нариманович Багиров, тогдашний министр культуры, человек, к которому я относился с огромнейшей симпатией – я до сих пор не встречал более интеллигентного человека, чем он! Вызвал и сказал: хватит ездить по миру, хватит аккомпанировать – иди и учи детей. И отправил меня директором в ту самую 16-ю музыкальную школу, которую вы кончили и о которой так тепло упомянули. И я 10 лет, вплоть до 81-го года, проработал на этом поприще. Вот Аида Гусейнова, которая так здорово вела мой здешний филармонический концерт, была ученицей той школы – она была прекрасной пианисткой, скажу я вам. Я провел тогда конкурс всех музыкальных школ города Баку и Сумгайыта, причем, по полной программе, как говорится – были там три первые премии, три вторые, три третьи...

– *Я помню эти ваши конкурсы – они стали обязательной составляющей учебного процесса. И сборник бетховенских сонат с надписью, сделанной вашей рукой, где после моего имени значится: «Ученице 5-го класса, победителю внутришкольного конкурса»... Поверьте, храню эти ноты, как святыню.*

– Вы меня растрогали, честное слово... Так вот, Аида взяла тогда первую премию, но когда она закончила школу, чего мне стоило уговорить ее отца и мать, чтобы они решили ей продолжить музыкальное образование! Они упорно хотели, чтобы она пошла

по стопам отца – я уже не помню, кем он был по специальности... Я уговорил их тогда – она пошла в бюльбюлевскую школу, оттуда в консерваторию, которую с блеском окончила. Мы с ней встретились через много лет в Америке, она проходила стажировку в Индиане. А хормейстер музыкального отделения тамошнего университета каждый год давала концерты хора студентов из серии «Музыка народов мира». И в тот год она остановила свой выбор на азербайджанских песнях, приступив к их разучиванию. На что Аида сказала, что в Калифорнии живет человек, который лучше всех знает азербайджанскую народную музыку.

Меня вызывают в Индиану, где я целую неделю занимаюсь с хором – показываю, как правильно произносить слова, рассказываю о специфике нашей музыки и т.д. А потом мы выдали недюжинный концерт, – помню, они пели «Рəпсəгəдəп dаş gəlir, ay, bəri bах, bəri bах», – вы не представляете, какой это был успех! Тогда же я дал сольный концерт азербайджанской музыки, немножко американской музыки им поиграл. Они мне на большой программе – педагоги, профессора – расписались, это были пожелания в мой адрес, очень-очень теплые; все это у меня есть, Джейран запрятала... Так вот я это к чему: прошло столько времени – и теперь я увидел профессора нашей консерватории, кандидата наук Аиду Гусейнову. И вас. Великолепные девочки...

– *Итак, в 81-м году вы уходите из школы с тем, чтобы...*

– ... с моим другом Ильдымом Касимовым организовать «Азконцерт». Он больше вел финансовую линию, поэтому и стал генеральным директором этого объединения, его директором-распорядителем, а я был художественным руководителем – целых 10 лет, с 81-го по 90-й. Правда, где-то в середине я уехал на три года в Йемен, после чего вернулся обратно; и все это время место худрука держали для меня, никого так и не взяв.

– *Мы приближаемся к неприятной для всех нас эпохе в истории современного Азербайджана, когда пришлось расстаться с лучшими его представителями. Молох или маховик времени. Вы не понаслышке знаете, каково это – быть изгнанником на своей земле.*

– *(Вздыхает).* Это был 90-й год, когда Полад Бюльбюльоглу, тогдашний министр культуры страны, полтора дня уговаривал меня у себя в кабинете стать директором и художественным руководителем Театра песни им. Рашида Бейбутова. Я отказывался, никак не хотел, но в конце концов он меня уговорил. Я проработал там всего три месяца. Что я сделал? Я не тронул ни одного номера, которые были сделаны Рашидом, – просто скомпоновал из этих номеров концерт. А они пять лет после смерти Рашида не работали, сидели на шее у Министерства культуры. Театр не работал, но зарплату люди получали, не давая ни одного концерта! И вот он меня, наконец, уговорил, я стал проводить репетиции, пошли концерты. За три месяца они перевыполнили квартальную норму, получили премию за это перевыполнение, я их повез в Агдам, где они дали два концерта нашим войскам, приехали обратно... Это было во времена Народного фронта. Я не хочу вдаваться сейчас в те подробности, печальные для меня, но, в общем... Я проводил собрание коллектива, в это время ворвались в зал 120 человек. Они сказали, что я убил Рашида, что я плохой человек и что меня надо убить. Один стоял вот так, с ножом наготове (*показывает*)... Из толпы ко мне подошла женщина со словами: «Вы хотите живым уйти отсюда?» Я говорю: «Да». «Напишите заявление, что вы уходите из театра по собственному желанию». Я написал заявление, и на этом все закончилось.

– *История эта настолько ужасна в своей кощунственной нелепости, что... Но вот ведь как бывает: те, кто изгонял, давно преданы забвению, история так никогда и не узнает их имен (а может, надо бы дознаться), а вы концертуете, собираете аншлаги – мне рассказывали, что зал, где вы играете, всегда забит, что называется, под завязку. Иными словами, символизируете собой азербайджанскую песню повсюду! Вас изгнали, и вы ушли в объятия мира. Такой вот подарок мы ему сделали. Что за родина у нас такая? То прогоняет, то зовет обратно... Как к ней относиться?*

– Belədi də, вернее, beləyik də. Но правильно говорят: на родину, как на мать, не обижаются. И потому я сегодня здесь. А тогда... Полтора года я не работал, потом к власти пришел Гейдар Алиевич, сразу Фархад меня пригласил в консерваторию, где я отработал всего три года – 92, 93, 94-й – а в 94-м я уехал в Америку. Вот приблизительно краткий перечень этапов моей служебной карьеры в Азербайджане.

– Да, но вы еще работали и с другими певцами.

– Кроме азербайджанских певцов, это были Атлантов, Огнивцев, я аккомпанировал Гоар Гаспарян, – да кому хотите! Менжилкиев – был такой потрясающий бас в Киргизии... Между прочим, это немножко звучит смешно, но я отработал 24 концерта в Баку с Райкиным Аркадием Исааковичем.

– Как это?

– А дело было так. Театр Райкина в то время активно разъезжал по Союзу, причем за три дня до каждого концерта его дирижер (Семенов была его фамилия) приезжал, набирал оркестр, который сидел в яме и играл, – весь спектакль шел непременно под живую музыку. А наши гениальные, так сказать, администраторы бакинские под его гастролы отвели филармонию, у которой ямы, как известно, нет. То есть, оркестр посадить некуда. А на сцену не посадишь – сцена целиком и полностью нужна Аркадию Исааковичу.

– И вы, значит, отдувались за весь оркестр.

– Я отдувался за оркестр. Это потом. А до этого, завидев такой оборот дела, Семенов собирался отменять гастролы, потому что был уверен, что один пианист такое не потянет. На что ему ответили, что пианист пианисту рознь – послушай его, и все будет нормально. И я действительно отработал все 24 концерта. Ежедневных!

– А что вы играли?

– Ну, сперва Семенов мне показал ноты, объяснил, что играть, а потом я сказал ему, что мне ноты не нужны, и играл то, что надо... Был у меня еще смешнее случай. Однажды мне из Москвы позвонил фантастически в ту пору популярный киноартист Марк Бернес – помните «Два бойца», «Темная ночь», «Шаланды, полные кефали»?... Так вот, он звонит мне: Чина, ты в Баку? Я говорю: да. Понимаешь, говорит, Додика Ашкенази не выпускают из Москвы – это было, когда Володя Ашкенази, великий пианист современности, лауреат конкурса Чайковского, – уехал на гастролы в Лондон и остался в Англии. Так вот, из-за этого самого отъезда отца его, Додика Ашкенази, выдающегося эстрадного аккомпаниатора, не выпускали из Москвы – думали как-то Володьку притянуть обратно. А у Марка по линии пропаганды кино намечалось 30 концертов в Баку. Вот он и попросил меня: «Я приеду, ты мне саккомпанируешь».

– И вы, конечно, согласились.

– С радостью согласился! Ну вот, он приехал, значит, а концерты его были скроены таким образом: показывали куски фильмов, в которых он участвовал, потом он рассказывал про то, как снимался тот или иной эпизод, а в конце исполнял четыре-пять песен, которые он пел в этих фильмах. Мы выдавали с ним по три концерта в день! (Смеется.) И таким вот образом за 10 дней мы сыграли 30 концертов.

С удовольствием вспоминаю те времена. Так что поле деятельности мое было очень разнообразным. Я, например, аккомпанировал цирковым артистам. Мы выехали, помню, в Индию на гастролы, нас было 16 человек в группе, я аккомпанировал всему концерту и в конце – Рашиду. Там были и акробаты, и артисты балета Большого театра – был, например, такой Шамиль Ягудин – великолепнейший балерун! Были цирковые эквилибристы – наверху там чего-то такое делали, был фокусник, была эстрадная певица... Понимаете? И всем им я аккомпанировал.

– А оркестра не было?

– Да какой оркестр? Все под рояль шло. Мы за 40 дней дали 80 концертов – работали по два концерта в день.

– Вот откуда эта потрясающая ваша форма исполнительская...

– Форма оттого, что все время в деле. Человек должен уметь найти повод для воспарения, неважно при этом, чем занимаясь – солируя или аккомпанируя.

Меня, например, сейчас в Америке приглашают играть американскую музыку, причем музыку 50-60-х годов. Ту, которую пели в свое время Фрэнк Синатра, Нат Кинг Кол мой любимый... Гениальный был музыкант, его звали вообще-то Нат Кол, но когда он умер, собрались все видные джазовые вокалисты, весь джазовый мир и постановили называть его Нат Кинг Кол...

– У нас ведь тоже есть своя аналогия – Бюльбюль.

– Совершенно верно. Нат Кинг Кол – это номер один в джазовом мире в Америке, это как пианист-феномен Оскар Питерсон... И вот я им играю американскую музыку, а они удивляются – откуда вы ее знаете, нашу музыку тех годов?

Между тем, все очень просто – я им не рассказывал этого, конечно, а вам скажу... После войны, в 46-м году, американцы по радио для Советского Союза передавали один час программы политической и один час – музыкальной. Политическую программу тщательно забывали, чтоб никто не слышал, что они говорят, а музыкальной повезло куда больше – вот откуда эта наша осведомленность, мы слушали все это в Баку.

– Хотите сказать, что слухом брали музыку – без нот?

– Конечно. А зачем мне ноты? Я послушал один раз, мне этого достаточно (смеется).

– Невероятно – по радио, с помехами...

– Ну, во-первых, не было никаких помех, запись шла чистой, а во-вторых, ввиду того, что музыка не безгранична, то иногда повторялись какие-то вещи. И, понятно, те, которые нам особенно нравились, мы запоминали.

– И вот, значит, вы сегодня там ублажаете слух заморских меломанов, а мы здесь сидим и... Мысль о том, что вот вы скоро уедете и оставите нас один на один с «образцами» шлягерно-маршрутного песнопения, нелепыми и вечными, как бесталанность, не покидала меня на протяжении всего концерта. И отогнать ее становилось трудней с каждой новой песней.

– Ну, что поделаешь... А ублажаю я слух не всем, вот, например, в Америке есть дома для престарелых. Не знаю, здесь есть или нет, точно знаю, что в Москве есть – дом для выдающихся престарелых артистов, мы даже там однажды выступали.

– Ну, при всех случаях, думаю, это несопоставимые дома – здесь и там, в Штатах, я имею в виду качество жизненного пребывания в них.

– Разумеется, там это поставлено на масштабно-государственную ногу, и, тем не менее, даже среди них есть неправдоподобно богатые дома для престарелых. Там живут только миллионеры, те из них, которые не хотят жить с сыновьями или дочерьми. Многим из них перевалило за 80 лет, они добровольно в этом доме снимают, нет, покупают квартиру, где и живут в свое удовольствие. Живут очень насыщенно в смысле общения, не говоря уже о том, что у них там на каждого человека два врача и четыре медсестры! Все это стоит немислимых денег, например, одна такая квартира, состоящая из спальни и гостиной, со всеми удобствами, стоит миллион-миллион двести. Ну а трехкомнатная – та и вовсе обходится миллионами в пять! Они, представьте, платят, денег у них полно, и их обслуживают – потрясающе! У них свой ресторан, они уже с вчера обдумывают, что бы заказать на завтра, и т.д. и т.п. И вот однажды меня пригласили именно в такой дом поиграть им американскую музыку тех годов. Я пришел и стал играть. А у меня есть пара счастливых – на полном серьезе счастливых – моментов в моей творческой деятельности, и один из них – то, что я не боюсь сцены. Было и есть много великих артистов, которые страшно боятся сцены. И без каких-то пилюль и всего такого на сцену не выходят. Гилельс, например.

– Он так и говорил о себе: «Я самый трусливый исполнитель».

– И он был далеко не одинок. У меня есть друг, он живет в Чикаго, лауреат двух международных конкурсов – Шопена и Энеску, зовут его Дмитрий Паперно, так он, прежде чем выйти на сцену, непременно глотал бокал успокоительного, без этого – ну, никак. А я выхожу на сцену как к себе домой, вижу публику до 8-9-го ряда, вижу, как она реагирует. Я могу за кулисами играть в шахматы, потом, прервав партию, выйти на сцену, сыграть все, что надо, после чего спокойно доиграть в шахматы – запомнив ходы и думая о том, чтобы, не дай Бог, не проиграть. Я хочу сказать, что это одно из моих счастья.

– А второе?

– Второе – это мой секрет. Это уже присущее только мне. Ну ладно, открою его вам. Я всегда играю только то, что способно меня взволновать, что переворачивает все внутри. И точно знаю – только та музыка, исполняя которую ты получаешь наслаждение, способна взволновать зрителя. Я переживаю на сцене, когда играю, переживаю в смысле – проникаюсь музыкой всем своим существом. Я должен получить удовольствие – вот если я этого удовольствия не получаю, я не играю. Со мной было пару раз, когда я просто вставал и уходил со сцены – чувствовал, что не то, не идет. Сперва то, что я играю, должно пройти через меня, через мое сердце, и только потом пойти в зал. Понимаете? Иначе я не могу. И только такую музыку я играю людям. Пытался, было, играть не «ту» музыку – не получается. Честное слово – не получается.

– Я вам верю. Вы и поете так – сердцем.

– А чем же мне еще петь – у меня ведь голоса никакого нет(смеется). Я душой пою. А если петь на голосе, как это многие делают... Или же – поют автоматом. Я знаю певцов с очень хорошим, например, драматическим тенором, которые всегда поют автоматом.

– Вернемся в Америку.

– Вернемся. Стал я, значит, им играть. Играю и обращаю внимание на интересную деталь: какая-то женщина сидит, и у нее льются слезы, кто-то мне подпевает, а какой-то мужчина уставился в одну точку и молчит. Он не хлопает, не выражает своего отношения к услышанному – он словно в забытьи... Вы знаете, меня это захватило. Думаю, черт его знает, что происходит. Здесь-то я к этому привык, а там... И вот когда кончил играть, – а я английский очень плохо знаю, объясниться еще могу, но когда мне что-то говорят, ни черта не понимаю.

– Неужели за 12 лет так и не натурализовались?

– Да зачем мне «натурализовываться»? Если вы имеете в виду мою неспособность овладеть языком, то мне и не нужно было утруждать этим себя – у меня личный переводчик всегда рядом (показывает на жену), она педагог английского языка, кандидат наук, 30 лет преподавала этот язык в институте иностранных языков в Баку. Джейран всегда рядом, и потом, между нами, – я еще лентяй, вдобавок ко всему.

– Вы всегда об этом говорили. Помню, как сказали отцу: «Фаик, я фантастический лентяй!» Я была ребенком, но в память врезалось. Ну и что же было после концерта?

– Так вот, истек час моего концерта – по договоренности это должен был быть всего час. Вы не представляете, какой мощный посыл из аудитории я все это время ощущал! Когда я кончил играть, они поднялись, стали подходить ко мне – самой молодой из них было 80 лет, не меньше – они меня гладили по щеке вот так вот (проводит рукой по лицу), и что-то говорили по-английски. Я тут же Джейран подозвал, говорю: «A bala, nə deyirfər, bir bax, de görüm,mən də başa düşüm». И оказалось, что они вспоминали свою молодость, свои какие-то приятные дни, вспоминали именно сквозь призму той музыки, которую я им играл... За что меня так трогательно и благодарили. Меня охватил какой-то невероятно пронзительный озноб... Это было ошеломляюще!

– Это действительно невообразимо – приехать туда из далекого, неведомого им Азербайджана, чтоб вернуть им их воспоминания! Чужаку, по сути...

– Именно об этом они и говорили. После той, первой встречи меня часто стали туда приглашать, потом пошли приглашения от других подобных домов. Я становился все популярнее, а потом я стал отказываться от приглашений.

– Почему?

– *A bala, 77 yaşım var, ondan 72 ilini я просидел за роялем – хватит, да! Устал я. Сил человеческих нет!*

– *Не надо так говорить. Sizə yaraşmır.*

– *(Долго, заразительно смеется).* Клянусь, устал.

– *Так или иначе, а молодое поколение выросло без вас. Мы упомянули имя Гилельса, но именно о нем сказал когда-то Артур Рубинштейн: «Если этот паренек приедет когда-нибудь в Штаты, мне тут нечего будет делать». А вы – можете сегодня высказать подобное относительно себя?*

– Вы имеете в виду аккомпаниатора? Отвечу честно: таких не вижу. Понимаете, эта профессия теснейшим образом связана с душевно-психологическим устройством человека, и наглому и хамоватому аккомпаниатору никогда не стать. Нужно уметь видеть себя в контексте другого и постараться помочь ему – незаметно ни для кого – стать лучше. А сегодня (время, что ли, такое?) на такие «подвиги» никто не способен. Куда охотнее выпячивают себя. И потому преемников что-то не видать.

– *А вот у вас ее нет – той грани, за которой заканчивается культурное естество и начинается имидж, потому как первое у вас не кончается, а второе, кажется, и не началось.*

– Я не умею кривить душой – что думаю, то и говорю. Может, в этом дело? И потом, в музыке всегда ведь видно, когда перед тобой – Божье откровение! И дутые звезды так и остаются дутыми. Я вам скажу такую вещь. В Азербайджане была плеяда великих композиторов, я не боюсь этого слова – гениальных композиторов. Это Фикрет Амиров, это Джангир Джангиров, это Сеид Рустамов, – я беру песенников, – это Тофик Кулиев, это Рауф Гаджиев, это Васиф Адыгезалов, это Эмин Сабитоглу... В азербайджанской классической музыке были великие Узеир Гаджибеков, старший Магомаев, те, которых я перечислил вначале... И они подняли азербайджанскую музыку на недостижимую высоту! Я вам должен сказать, что наша музыка – как классическая, так и народная – в Союзе была одной из первых. А потом они один за другим стали покидать этот бренный мир, и властвовать на сцене стала Зейнаб Ханларова. В 2002 году Гейдар Алиевич пригласил меня и Джейран на юбилей Муслима Магомаева – ему исполнялось 60 лет. Скажу, что Гейдар Алиевич всегда ко мне очень хорошо относился, с самого начала у нас с ним возник контакт. Он, как мало кто, понимал в искусстве, умел ценить стоящее – вообще о Гейдаре Алиеве можно говорить очень много. Расскажу вам только одну деталь. Он был с визитом в Соединенных Штатах Америки, после которого «Чикаго трибюн» напечатала статью – она у меня там, в Сан-Франциско. Автор ее пишет, что в Америку за все послевоенное время приезжало огромное количество президентов, премьер-министров, королей и т.д., и т.п. Но ни одного из них в США не принимали так, как принимали Гейдара Алиевича Алиева. Он был единственным, кого принимали на уровне английской королевы!

– *А уровень английской королевы – самый высокий в мире, как известно.*

– Показатель авторитета, а? Все, больше я о Гейдаре Алиевиче не хочу ничего говорить, иначе рискую опоздать на самолет – я ведь ночью улетаю... Так вот, он меня пригласил на тот юбилей, я приехал. Десять дней я был здесь, присматривался, естественно, прислушивался к тому, что поют и как поют. И все удивлялся! Это-то при наличии песенного богатства, оставленного корифеями! Да, все они умерли, но это не значит, что умерла их музыка!

– *«Музыка – ресторан, певцы – ресторан, композиторы – ресторан», – помню, именно так вы отозвались в свой прошлый приезд о состоянии нашей культуры.*

– Все правильно, был один сплошной ресторан! В отличие от моего нынешнего приезда, всего два интервью я дал тогда. Меня спросили: как вы относитесь сейчас к нашим молодым певцам и нашим молодым композиторам. Очень плохо, – сказал я, – отношусь, как к тем, так и к другим, потому что в Азербайджане не осталось хорошей музыки, все превратилось в ресторан. И пишут, и поют – в формате ресторана-тойханы. Ничего приличного в этом нет, чем я страшно огорчен. Страшно огорчен состоянием искусства моего народа, моей республики.

Прошло пять лет. Я вновь приехал и, должен вам сказать, с ходу уловил ту позитивную разницу, те изменения, которые произошли за это время – настолько они очевидны. Уже не говорю о грандиозных мугамных проектах, реставрации старинных пластинок с записями корифеев этого древнего искусства – они приведены в порядок, перенесены на современные носители и сейчас распространяются по всему миру. Композиторы наконец стали писать именно азербайджанскую музыку. Я склоняю голову перед человеком, который стоит за всеми этими большими делами – Мехрибан-ханым, усилиями которой все эти перемены произошли. Это первое. Второе – то, что разделили консерваторию на классическую и народную, я считаю это правильным шагом. Это мое сугубо личное мнение, возможно, я ошибаюсь.

– А если говорить об эстраде? *«Безголосое чудо пластической хирургии»* – так называют многих наших певцов. Что такое эстрада сегодня? Любому человеку – без чувства ритма, без слуха, без голоса – можно сделать фонограмму, и он станет звездой. Существует даже выражение – *«поющие кошельки»*. Да, вокалист без голоса – явление действительно удручающее. Но, с другой стороны, гений голосовых связок еще не есть эстрадный певец. Ведь так?

– В том-то и дело. Мне, например, очень нравится один певец, он не молодой, но у него очень приятный мелодический голос, весьма славное впечатление оставил. Он не поет дешевку – возможно, он это делает на свадьбах, в ресторане, мне однажды об этом сказали. Может быть, я не знаю. И это понятно, надо содержать семью, надо кормить детей...

– Свадебный певец – разве это унижительно? *Паваротти пел на званых обедах, Карузо – тоже.*

– Все так. Тем более, я ни разу не слышал, чтоб он по телевидению или в концерте пел малодостойные песни. И – самое главное – он умеет петь. Вы знаете, однажды прославленного дирижера Стоковского спросили об одном певце – знаменитом певце того времени – и попросили его сравнить с другим великим певцом того же времени. На что Стоковский сказал: *«Я никогда не отношусь к певцам с этой точки зрения – кто лучше, кто хуже. Никогда не разделял певцов и вообще считаю, что в мире есть две категории вокалистов, всего две: это люди, имеющие великолепные голоса, но не умеющие петь, и люди, имеющие средний голос, но прекрасно им владеющие»*. Так вот, этот человек, о котором я говорю, умеет петь, имея не очень большой голос. Вы еще не догадались, о ком идет речь?

– *Перебираю в голове, иду методом исключения. Поющих мужчин-эстрадников у нас, по счастью, меньше, чем женщин: Эйюб Ягубов?*

– Угадали. Он вам нравится?

– *У него есть душа и культура пения.*

– При чем культура эта врожденная, как говорится, орадан гялир (*показывает наверх*). В общем, какие-то перемены я уже начал чувствовать, и мне кажется, что эти изменения к лучшему, и они должны сказаться.

– *Иншаллах.*

– Продолжая тему перемен... В этот свой приезд я побывал в Шемахе, Ахсу, Евлахе, Гяндже. То, что я увидел в этом регионе, меня прямо-таки сразило! Евлах, который

был скопищем комаров, – туда, помню, артисты старались не попадать... Евлах стал европейским городом! А Гянджа! Я мэру города сказал, что если вы будете так продолжать, то, по-моему, лет через 10 столица Азербайджана переедет в Гянджу! У них там в центре стоит поющий фонтан, и, как вы думаете, какую музыку играют, когда фонтан «поет»?

– «Лунную сонату», что ли?

– Нет, не «Лунную», – вальсы Штрауса и Шопена! Я ему говорю, мэру, – слушай, Гянджа и Шопен! Ты понимаешь, что происходит – кричу я ему! Гянджа и Штраус! Это все делает Ильхам Гейдарович, он на регионы сейчас стал обращать очень большое внимание. Сколько школ он пооткрывал, сколько больниц! И каких школ – оснащенных по последнему слову техники! Сам видел. Это все правильно, мне очень нравится все, что он делает. Здорово работает, он все делает правильно. И я нисколько не сомневаюсь, что вот такое же преобразование со временем придет и в область искусства. Не сомневаюсь ни одной секунды, потому что не может быть отрыва, понимаете? Если что-то двигается вперед, то за ним должно двигаться и все остальное. И я горжусь, что именно он, Ильхам Алиев, является президентом моей страны.

– *Музыку сейчас делать все проще и проще, со всеми этими секвенсорами, сэмплерами... Можно купить ее по частям: уже готовый ритм, басовую партию, какую-нибудь мелочевку из старого буги-вуги, что угодно прицепить одно к другому. А вот песню компьютер пока написать не может.*

– И никогда не сможет. Меня часто спрашивают: «Почему вы не пишете музыку»?

– *И я собиралась спросить...*

– Да? Так я вам отвечу. Я всегда говорю, что знаю такое количество чужой музыки, что если начну что-то писать, это «что-то» на что-то будет похоже, потому что все уже забито насмерть. Я пропитан всей этой музыкой, и когда начинаю что-то импровизировать... А вообще по своей натуре я импровизатор, и когда меня приглашают на радио или телевидение записать какую-то музыку, я пишу только с одного дубля. Потому что второй дубль я уже играю по-другому. Поэтому стараюсь не делать ошибок и записываюсь только с одного дубля. Это моя композиция, и ее до меня не было. И каждое новое исполнение – всегда неповторимо. А ваш компьютер – он слишком однозначен и безвариантен. Вот в чем дело. Поэтому творчество – удел исключительно человека.

– *Обычно мы спрашиваем у гостей нашего города: как вам Баку? И они, как это водится, заливаются на предмет «похорошел так, что я его не узнал»... Сегодня, когда город переживает не лучшие, с точки зрения эстетики, свои капремонтные времена (то, что ввысь – недостроено, то, что вглубь – недорыто), стесняешься лезть с этим вопросом. Поэтому спрошу так: Баку не очень удручил?*

– Удручил, но не в смысле того, что недостроен или недоремонтирован... Не в этом дело. Удручает другое: вы знаете, пропал запах города Баку, пропало его очарование, пропало... Может, это во мне говорит ностальгия по юности, не знаю. Но того Баку, в котором я родился и жил 65 лет – в этом возрасте я уехал – больше нет! Нет того очарования Баку, с его потрясающей архитектурой, какую не встретишь ни в одном другом городе, с его Коммунистической улицей, Баксоветом, Исмаиллие, Академией наук, бывшей Телефонной... Я уже не говорю про Ичери Шехер, с его трогательно кривыми улочками – это ведь наследие старины, понимаете? И вдруг – эти небоскребы! А бала, строй, да! Строишь эти небоскребы, ну, строй их во втором микрорайоне, третьем, четвертом, строй в Ахмедлах, Гюнешлах... Строй, да, кто тебе что говорит. Строй, поселяй туда людей, улучшай их жилищные условия. Но не порть вид города! (*Срываясь на крик*). Не порть вид того Баку, который был непревзойденным по своей неповторимой специфике градостроительной! Ведь архитектура принадлежит не градостроителям, она принадлежит народу! Вот это меня угнетает!

– *Надо обладать какой-то изощренной логикой, чтобы уразуметь подобное. Вряд ли*

Тофику Кулиеву, живи он в наши дни, пришло бы в голову посвящать песню Баку – в сегодняшнем его виде.

– Видите ли... В английском языке есть такое выражение: *take money*. Я все сказал.

– *Вы так играли, словно и не было обрыва длиной в энное количество лет – как хо- рошо, что он не превратился в пропасть! Невероятный он, песенный Азербайджан. Нет, не нынешний, а тот, который вы «привезли».*

– Молодые должны знать, что была такая божественная музыка. Разве можно забыть «*Sarı gəlin*», разве можно забыть «*Aman ovsu*». Разве можно забыть «*Sənə də qalmaz*», этот немеркнущий авторский шедевр?!

– *Это действительно редкий пример симбиоза музыки и текста. Скольким поколениям женщин эта песня была (и будет!) адресована, с ее печальным лейтмотивом, предупреждением-укоринкой: ну не будь же так капризна, все пройдет... и твой майский цвет... Знаете, песню на вашем сольнике закончили трое – Чингиз Садыхов, Азер Зейналов и... Агабек Султанов, неожиданно запевший вслух, не в силах больше сдерживаться... Он сидел рядом со мной и все кричал: «Браво, Чингиз!» Кстати, он же и сообщил мне, что песня эта написана на слова Расула Рзы. Почему я об этом не знала...*

– А знаете, когда Тофик написал эту песню? В 1957 году, когда Рашид организовал Государственный эстрадный оркестр Азербайджана, для которого многие наши композиторы писали репертуар. И не только наши – из Москвы тогда приехали эстрадные поэты с тем, чтобы писать тексты для этих песен. Так вот, Тофик специально для Рашида написал эту песню – «*Sənə də qalmaz*». А я был тогда музыкальным руководителем оркестра. Я очень благодарен ему за нее и вообще считаю, что первым сделал то, что я делаю сейчас, он, Тофик Кулиев. Играть азербайджанскую музыку так, как я это делаю, я учился у Тофика Кулиева. И считаю, что все композиторы Средней Азии, Грузии, Армении и Азербайджана – ВСЕ! – должны были вместе собраться и Тофику при жизни поставить золотой памятник, потому что это был первый композитор на нашем Востоке, который народную музыку поднял до европейского уровня. Тофик – великий песенник Азербайджана. Один уже его «*Üzüyütmün qaşı*» с его немислимой музыкальной поэтикой может побить не одну оперу или балет в смысле попадания, вдохновения, я не знаю, умения объять мир и сделать это гениально лаконично! Я уже не говорю о великолепном исполнении Рашида!

– *Знаете, о чем я сейчас подумала? Таланты всегда единичны, так исстари повелось, у нас же так получилось, что они «скопились» все в одно время. Tək-tük olur da bün- lar əslində – yüz ildən bir, iki yüz ildən bir... Почему сегодня такого не происходит?*

– Да-да, а они пришли в одно время. И – ушли. И все. И нет. А почему сегодня их нет – трудно сказать. Мышление было другое, понимаете, отношение было другое, менталитет был другой совершенно. *Əlicanablıq var idi* – вот! А сейчас – *üc badam bir qoz*.

– *Бакинцы – из тех, что мы продолжаем оплакивать, хотя они и ходят с нами под одним небом, с их безукоризненным профессионализмом, умением делать работу играючи, с безудержной общительностью, готовностью рассмешить и рассмеяться и всегда неожиданными вывертами. Вот мы сейчас говорим с вами, вроде, на серьезные темы, а ощущение такое, будто внутри вас прыгают легионы веселых чертей – и это-то при вашем грандиозном «послужном списке»! Мало их сегодня, людей с таким «диагнозом». Это когда, с одной стороны, многогранность, охватывающая культурный пласт со дня самого его «рождения» и до наших дней, а с другой, – принципиальное до хлесткости бича остроумное отношение ко всему вокруг – ваше, садыховское отношение. Жаль, что так получилось. И лучшие – не здесь...*

– Джек Лондон сказал: «Остроумие – это внезапное сочетание мыслей, которые до этого не были ни в каких соотношениях». И вот это самое остроумие, свойственное бакинцам той поры, эта безудержная радость жизни, это умение подтрунить над собой, а

ведь именно эта способность к самокритике, утраченная, к сожалению, сегодня, и делает, по сути, человека человеком. И, конечно, непредсказуемость, способность к экспромту, – очень интересно было находиться в кругу таких людей, творческими рожденными! Баку всегда был самым многонациональным городом бывшего Советского Союза. В Баку никогда никто никого не спрашивал: какой ты национальности. Ты хороший человек? Мое сердце открыто. Ты плохой человек – будь здоров, расти большой на радость маме, и больше чтоб я тебя не видел. Вот и все! А то, что ты еврей, грузин, армянин, русский, азербайджанец, – это не важно! Это никого не трогает. Была одна нация – бакинец, все, других наций не было. Я говорю о своей молодости. И когда мы выходили на наш «Бродвей», трехквартальный Бродвей – всего-навсего: от улицы Карганова до проспекта Кирова по Торговой – всего три подъезда! – вот это и был наш Бродвей. И вот когда мы, молодежь, выходили на него, все друг друга знали, «а, привет-привет, ты что делаешь вечером?» Наперебой, бывало, приглашали – идем ко мне домой, или – пошли в кино, говорят, хороший фильм идет... То есть каждый знал, что один он вечером не останется.

– *То было братство.*

– Братство бакинской молодежи! И когда спрашивали: «A bala, sən onu haradan tanıyırsan?», тот так и говорил: «По городу». И вот это выражение – «я его знаю по городу» – было только в Баку, больше нигде. В общем, «по городу» друг друга знали все. Если раз увидел, значит, друг. Всё! Если же ты с ним пошел в кино или ресторан – один раз, – он твой брат, *məhlə uşağı*.

– *В Сан-Франциско такого, понятно, не увидишь...*

– *(С горечью)*. Ну что вы, о чем вы говорите! Дефицит общения на самом деле – сущее испытание.

– *Ну, вы не очень переживайте – то, о чем вы рассказали, давно утрачено, так что особенно не убивайтесь. Мы отвлеклись, однако... Каждая судьба имеет некие опорные точки – первый учитель, счастливый случай, первый успех или просто встреча – обо всем этом вы уже рассказали. А если говорить об американской составляющей вашего бытия – много было таких?*

– Мои опорные точки – это россыпь имен, которые украсили не только век ушедший, но и продолжают это делать сегодня. Если же говорить об Америке, то такой опорой стал для меня Ягуб Зуруфчу, всем известный. Я ему благодарен за то, что он ввел меня в иранскую диаспору. Азербайджанская диаспора Сан-Франциско представлена, в основном, иранской ветвью, очень сильная иранская диаспора в Калифорнии – 25 тысяч человек! А нас – мало. И при этом, что интересно, если приезжают артисты – они из Баку! Сестры Касимовы, Азер Зейналов, мастера мугама – таристы, кеманчисты... Так вот, американцы, завидев мой успех в иранской диаспоре, стали подходить ко мне и спрашивать: а какую еще музыку я играю? На что я тогда ответил, что играю всё! Азербайджанскую музыку, американскую, итальянскую – ну, всё. Они очень удивились, помню свой первый там концерт и первого плачущего зрителя – это была женщина, она проплакала всё мое выступление. Я подошел потом к ней и спросил, что это с ней было, на что она сказала: «Я впервые слышу музыку, которая может сотрясти всего тебя, сдвинуть с места сердце». Понимаете, я играю не так, как это делают наши гармонисты, – я все перевожу на тишайшее пиано. Так начинается момент откровения.

– *История с плачущей женщиной доказывает еще и то, что профессионал – он и в Америке профессионал. А конкурентоспособность – ключ к выживанию. А еще я подумала о том, что кроме достойных исполнителей нужны еще и «достойные» уши – я о тех, кому это исполнение адресовано. То есть можно выдавать шедевры и при этом...*

– Вопрос о публике, как я понял. А вы знаете, что она у нас всегда была одной из самых «трудных» в мире? Я имею в виду продвинутость бакинского зрителя, его пугающую не очень добросовестных гастролеров взыскательность. Само здание нашей филар-

мнии заставляет людей быть более подтянутыми и более благородными, даже при том, что акустика после ремонта стала хуже, к сожалению... Вот лет 40 назад на концерты в филармонию приходили мужчины во фраках, а женщины – в вечерних платьях, понимаете, это были те, кто жил искусством в буквальном смысле – от концерта до концерта. Вот что такое настоящие ценители, настоящие интеллигенты! Я вам другое скажу – за время учебы в аспирантуре московской консерватории я сблизился с очень многими музыкантами: скрипачами, пианистами того времени, которые потом стали лауреатами международных конкурсов, великими исполнителями – дружба моя с ними не прерывается по сей день. И вот они мне говорили интересную вещь: знаешь, Чингиз, когда у нас в гастрольном графике значится Баку, мы всегда просим администратора поставить этот город подальше – не в начале гастролей, а подальше. Почему? Потому что для того, чтобы представить в Баку программу, мы должны обыграть ее в других городах. И если мы ее не обыграем, и она будет чуть-чуть сырой, бакинская публика это сразу заметит. И поэтому перед приездом в ваш город мы непременно обкатываем в 3-4 городах свою программу, чтобы она уже «села» – вот тогда мы можем позволить себе показать ее бакинцам.

– *Критерий, однако, взыскательности.*

– Именно! Нигде в мире зал так бурно аплодисментами не выказывал свою радость узнавания музыки с первых же аккордов – все гастролеры говорили об этом.

– *Чингиз-муаллим, вы человек уникальной судьбы, в которой не было «проходных» вех, да и как они могли быть, когда партнеры по сцене – сплошь исполины! Вы из тех счастливичков, кто знает о прикосновении к человеческому гению не понаслышке. И все же – казусы на сцене случались?*

– Конечно, не без них. Все бывает в нашей практике – случается, например, певец забывает текст. Я это ловлю за секунду до «оказии» – ну, не знаю, как чувствую – и подсказываю нужное слово. А бывало и наоборот. С Шовкет, например, у меня был такой случай. Мы вышли с ней на сцену, она должна была спеть три или четыре песни. Первой шла «Getmə, getmə» Сеида Рустамова.

– *Шедевральная песня!*

– О! А слова там какие великолепные – помните, в припеве: «Yenə sürmə çəkmisən evlər uıxan gözüpən»... Так вот мы вышли, а у меня было паршивое настроение – вот бывает такое, знаете, из разряда «çirtma vursan, qan çıxar» – вот какое у меня было состояние! Пришел на концерт весь взвинченный, весь не в себе, с женой поругался, что ли, не помню сейчас... Начал Шовкет аккомпанировать, и вдруг я о ней забыл! Я стал играть для себя – переживал сам с собой, отдался своим тяжким думам. Правда, профессионализм сказывался, и я ей, по крайней мере, не мешал. Не старался для этого особо – я автоматически ей не мешал, понимаете? Внешне все было нормально, но внутренне она для меня не существовала в этот момент.

– *Ну и чем все кончилось?*

– Кончилось потрясающе. Она спела, поклонилась и ушла за кулисы. Я пошел за ней, она обернулась: «Чина, səп neylədin!!!» Я говорю: «Шока, nə olub?» «Ты так мне играл, что я не поняла, что спела...» Никогда мне не забыть и не простить себе этот пропуск! Она была удивительно благородным человеком, ну необыкновенной женщиной!

– *Помню, как вы ее называли – «гардашым».*

– (Смеется). Так и было – она была сомышленником, настоящим братом по искусству! Второй такой певицы в Азербайджане в ближайшие сто лет не предвидится – это я вам гарантирую! Вообще в Азербайджане было три вокалиста – никогда больше не повторимых – это Бюльбюль, Рашид и Шовкет.

– *А Муслим?*

– Великий певец, но я сейчас говорю о народно-азербайджанских, а Муслим – он был все-таки певцом Советского Союза. Я с ним работал семь лет, объездил в свое время

всю страну – не осталось в ней ни одного уголка, где бы мы не концертировали. Нет такого города – от Прибалтики до Северного полюса! За границей были, правда, всего дважды – в Венгрии и на «Экспо-67» в Монреале. Муслим – это отдельная строка, это глыба советской эстрады, европейская ее «версия». А я сейчас говорю о фолк-музыке. Муслим Магомаев – это волнорез, разделивший советскую эстраду на до себя и после. Ведь что было до него? Была Шульженко, были Утесов, Хиль, Мулерман – все это была именно советская эстрада, даже не русская. Это было – за родину, за Сталина, как вам сказать...

– *Своего рода «соцреализм» эстрадный.*

– Ай sağ ol, вот-вот. И если бы не Магомаев, внесший в советскую эстраду элементы западной, то есть, сегодняшней эстрады, все это так и продолжалось бы опять в том же духе. Муслим сделал так, что после него уже появились такие, как Долина, Понаровская, тәп нә билім, та же Алла Пугачева и так далее, и так далее. Именно с Муслимом связано начало эры раскрепощенности на советской эстраде, все пошло по другим рельсам, понимаете? И в этом – огромное значение Муслима Магомаева. Но если говорить об азербайджанских певцах, азербайджанской музыке, то он сюда почти никакого отношения не имеет. «Вдоль по Питерской», сами понимаете...

– *Понимаю. А Бюльбюль, Рашид и Шовкет, значит...*

– При этом Бюльбюль и Рашид – кардинально различаются по своей творческой направленности. Да, и тот, и другой дошли до колоссальных высот в искусстве, но каждый в своей отрасли – Бюльбюль воплотил классический курс азербайджанской музыки, тогда как Рашид – эстрадной. А вот Шовкет феноменально представила нашу народную музыку. Вот они, три столпа!

– *Чингиз-муаллим, вы ведь аккомпанировали и начинающим певцам. Вспомнился Акиф Исламзаде, например.*

– Акиф только-только начинал выступать, он попросил меня подыграть ему «Sarı gəlın» и «Aman ovçu». Наш дуэт пришелся по вкусу Гейдару Алиеву, помню, мы ему очень понравились. А Акиф мне так и сказал: «Вы стольким знаменитостям аккомпанировали, может, сыграете со мной – и я стану известным...»

– *«Концертмейстер от Бога», «Гений сопровождения» – именно так отзываются о вас. Чингиз Садыхов – это человек, для которого не существует проблемы «транспорта» (музыканты понимают, о чем я говорю), то есть, проблем неудобных тональностей с кучей бемолей-диезов. Обычно их боятся, тональностей с чудовищным количеством этих самых знаков. Это я вам как бывший пианист говорю.*

– Это правда, я ничего не боюсь. Тональностей в музыке, как вам хорошо известно, – семь диезов, семь бемолей – 14, да? То есть 14 мажорных и столько же минорных – итого 28. Для меня не существует разницы между ними в том плане, что, если я прихожу, и певец говорит – Чина, вот эта вещь идет в соль мажоре, но у меня голос сегодня не звучит, транспонируй мне на полтона ниже, сыграй в фа-диез мажоре, я говорю: пожалуйста, – и тут же, в темпе, и никаких разговоров.

– *Это уже не абсолютный слух, а абсолютнейший!*

– Так говорят, не знаю. Я могу, играя вещь в одной тональности, в середине через нон-аккорд перейти в другую тональность и продолжать в ней играть. Тебе удобно в ре-миноре – пой, неудобно, пой ниже или выше – без разницы. Я вам расскажу одну историю, которая произошла в моей последней поездке с Рашидом по Ирану. В Исфагане, куда мы приехали после Тегерана, первое, что я сделал, прибежал на то место, где мы должны были работать. Вижу, стоит великолепный «Стейнвей», настроенный, новый, очень удобный под пальцами – я был счастлив! Знаете, всегда говорю, что мы, пианисты, самые горемычные люди на свете, потому что скрипач, виолончелист или там тромбонист – все они играют на своем инструменте. Мы же играем на том, что нам дают – ино-

гда это бывает такое, что его и инструментом-то не назовешь. И когда попадаете хороший рояль – мы счастливы, в противном же случае у нас прибавляется седины на висках.

И вот там, в Исфагане, увидев прекрасный инструмент, я подумал: «Ай Аллах, Saa gurban olum, все в полном порядке!» Вечером приходит Рашид, а у него камертон был, знаете, дудочка такая, и он взял на ней ЛЯ. Подошел к роялю, попробовал, и выяснилось, что у настройщика камертон был на полтона ниже – это было не ля, а ля-бемоль, и поэтому он весь строй настроил на полтона ниже – представляете себе? То есть ты берешь ля, а звучит соль-диез. Рашид меня подзывает. Говорит: в чем дело? Рашид Меджидович, говорю, хорошо настроен... «Но это на полтона ниже». Я говорю – ну и что? Вам же удобнее будет петь на полтона ниже, так что все великолепно. Но он был непреклонен. А мы поем 16 вещей в первом отделении и 16 во втором. И мне пришлось 32 азербайджанских и русских произведения, в том числе и классических, потому что он их пел, транспонировать на полтона выше – вы, как пианист, хорошо знаете, что это такое – в соль-диез миноре играть, причем с фиоритурами и прочим.

– *И вы сыграли – с ходу, без репетиции, в темпе – все 32 произведения?!*

– Сыграл. А что оставалось делать? «Мое горлышко привыкло именно к этой тональности», сказал он мне. Вот так вот. Вокалисты вообще не любят изменять своим привычкам...

– *Но ведь это был риск и для него тоже – а вдруг бы вы не смогли? Вот что значит – тыл! Чингиз-муаллим, с кем бы вы ни выступали, ваш дуэт – это всегда блистательный тандем. А тандем – это единство противоположностей? Или здесь непременно должен быть синхрон?*

– У кого как. Скажу только, что тандем, если он случается, – это и есть настоящее искусство. Вот, например, Нани Брегвадзе и ее пианистка, – помните, Медея – не помню ее фамилию? Вот что такое настоящий тандем! Или Образцова и ее Важа! Правда, это такая редкость... А Рашид позже, работая с другими, говорил им: «Ну что вы тут играете! Вот с Чингизом когда мы работали, он смотрел на меня, как на любимую женщину!» (*Смеется*).

– *Сегодня, как бы это помягче выразиться, нелады между музыкантами не могут не удручать. А как они тогда выглядели – звездные войны? Или не было таких?*

– Тогда было уважение. Сейчас этого уважения нет. Даже если кто-то кого-то не любил, даже если кто-то кому-то завидовал, даже если кто-то кого-то ненавидел – была культура общения. И поэтому недолюбивание, даже если оно и имело место, не перерастало в те самые звездные войны, которые бушуют сегодня, к величайшему моему сожалению.

– *«Памятники не эмигрируют», – сказал в недавнем интервью всемирно прославленный писатель, ваш, кстати, тезка Чингиз Абдуллаев словами Евтушенко. А что же вы...*

– Я очень люблю Чингиза, как приехал, позвонил ему. К сожалению, его здесь нет, он в отъезде. Я очень хотел с ним встретиться, но – не получилось. Ну, ничего. Я, честно говоря, влюблен в творчество Чингиза Абдуллаева, в его этого героя, Дронго, – все его книги у меня дома лежат, в Сан-Франциско! Все! И я вам должен сказать, что он его описывает каким-то совершенно фантастическим аналитиком. И это при том, что Дронго ведь – вымышленное лицо. Значит, сам Чингиз – потрясающий аналитик! Если бы он не был таким аналитиком, он бы не мог своего героя наделить вот такими способностями. Чингиз – глобально мыслящий человек.

– *Вернемся к Чингизу Садыхову. Большая личность, где бы она ни находилась, непременно обрастает средой. Мне вновь вспомнился Рубинштейн: где бы ни стоял его рояль – в Брюсселе, Вене, Париже, даже гостиничном люксе – там и был центр русского фортепианного исполнительства. Параллель с вами запрашивается сама собой.*

– Обязывающая параллель, черт возьми. Центр не центр, во всяком случае, получается такая вот штука – в любом обществе, где я появляюсь, тут же начинается: «А, Чингиз-муаллим, сыграй что-нибудь», «пожалуйста, для нас», «мы очень просим», и все в таком духе. То есть мне трудно появляться в обществе – так было в Азербайджане, так продолжается в Америке. Я всегда говорю – мне бесплатно поесть не дают (*заразительно смеется*). Это можете не писать, а впрочем, как угодно...

– *А каково это – приехать на родину, где нет своего дома? Жизнь в бакинском отеле, согласитесь...*

– Знаете, я не думал об этом. Баку – это и есть дом. Самый желанный, куда всегда рвешься всей душой. Я так и не освоил инглиш, не освоил чужой стиль жизни... Не «натурализовался», как вы выразились. Не получилось. Детям легче, не говорю уже о внуках. Вот мои все четыре внука – они уже американцы, по-английски чешут так, как я по-русски не умею. А я... Поверьте, порой такая тоска берет, единственное спасение – рояль, к нему я кидаюсь в такие минуты, забываясь. Начинаю играть час, другой... Вроде, легчает. Как на родине побывал.

– *Практически каждый свой «сольник» вы завершаете куплетом – посвящением супруге. Что это – дань...*

– Дань. Я вам скажу, что это такое. К величайшему сожалению, американцы – многие американцы, я не говорю все – понятия не имеют, что такое Азербайджан. Они даже не знают о существовании такой страны, понимаете? И поэтому мы с Джейран договорились, что прежде чем я начинаю играть там азербайджанскую музыку, она делает такое вступление – что такое Азербайджан. Рассказывает про город Баку, о композиторах наших, о том, какую музыку писали... Ведь что интересно, они понятия не имеют, что такое Азербайджан, но при этом знают Кара Караева! Это невероятно, я никак не могу к этому привыкнуть – удивляюсь всякий раз. Они знают симфонический мугам «Шур» Фикрета Амирова, а вот что такое Азербайджан, и где он находится, – не знают! (*Телефонный звонок – Франгиз Ализаде*). Фирочка! Как здорово, что ты меня здесь нашла! Приходи сегодня, умоляю! Буду ждать. (*Отключает мобильный телефон*).

– *Она мне преподавала современную музыку в консерватории, я пишу о ней.*

– Она единственный человек сейчас, который сегодня может представлять азербайджанскую классическую музыку. Во всем мире! Но что уж обидней всего, так это то, что многие там так и думают, что все они... армянские композиторы. Вот что нестерпимо! И грустно.

– *Могу себе представить. Но, думается, притворность, бессовестность, клевета – как долго на этом можно продержаться? Талант, порядочность и достоинство – вот что противостоит. И победит. Очень хочется в это верить. В продолжение семейной темы – в свое время я училась с вашими дочками, они ведь тоже выбрали музыкантскую стезю. Значит, кто-то продолжает семейную традицию?*

– Да, и в этом еще одно мое счастье – обе они занимаются именно своей специальностью, не изменив ей. Ну что я могу сказать... Уехал я в Америку не потому, что мне хотелось уехать за границу. За 56 лет своей творческой деятельности я объездил полмира – начиная от Индии и кончая Канадой, был в 32 странах, так что «заграница» для меня – то же самое, что поехать в Тбилиси или Москву. Не это меня влекло. Главное для меня было вывезти моих детей, потому что мы с Джейран вдвоем в Баку всегда бы устроились, жили прекрасно и ни о чем бы не думали. А детям было бы очень трудно. Мы с Джейран уехали в Америку, чтобы выгастить детей туда, и вот я с гордостью могу сказать, что обе мои дочери – музыканты, как вы знаете, старшая – пианистка, младшая – скрипачка, она лауреат Закавказского конкурса...

– *Они у вас еще и красивые...*

– Да, очень красивые, я всегда говорю: «Фирма плохих не делает»... Обе они ра-

ботаю по специальности в музыкальном колледже города Сан-Хосе – это в 40 минутах от Сан-Франциско, преподаю, имеют множество учеников, обе очень хорошо устроены. Америка – такая страна, где без машины жить нельзя, а особенно в семье, если все работают, то у каждого должна быть своя машина. Так вот у моей старшей дочери три машины, у младшей – четыре... Все, вроде, хорошо, лучше и быть не может – это с одной стороны. Но с другой... Ностальгия по родине – по городу, по родственникам, по близким, по тому, как ты здесь родился и вырос, по тому, как гулял по Торговой с друзьями, по тому, как ты учился, влюбился, женился, как у тебя родились дети... Все это связано с этим городом, моим Азербайджаном, моей землей. Иногда бывает так тоскливо – вы даже себе не представляете...

– *Представляем. Благополучный импозантный мужчина, прибывший из Сан-Франциско, – именно такое впечатление вы производили на первых минутах концерта. Но только на первых – по мере его разгара постепенно открывались детали совершенно иного сюжета, и становилось ясно, что вы – наш! Голос ведь дрогнул в песне – «yaraliyat»... Выходит, правду говорят: «Любая эмигрантская диаспора – это всегда печаль».*

– Истинная правда. Порой так скручивает, что... Сядешь за рояль – у меня там стоит пианино дома, начнешь играть азербайджанскую музыку, свою, родную... Вы знаете, как бы хорошо ни было, как бы прекрасно ни было – эта вот полоса, которая есть на сердце (*показывает рукой*), она – не заживает... Безумно скучаю по Баку, по своей родине, своему народу – они всегда в моем сердце. Может, я не показываю этого каждую минуту, но, поверьте, – я этим жив! Скажу словами амировской песни: «Mən sizi aragam»!

– *Имейте вы шанс пустить время вспять... Вам 18 лет, вы музыкант. Вы – концертмейстер?*

– (*После долгой паузы*). Не знаю. Если мне 18 лет, то не знаю, если мне где-нибудь в районе 25-30 – знаю.

– *Концертмейстер?*

– Он.

– *«Браво, Чингиз!»*

– А напоследок я хочу сказать, что мне было очень приятно беседовать с вами, ну и – все то, что вы написали обо мне в газете об этом концерте, фактически обо мне, было настолько восторженно и настолько, честно говоря, много, что я немножко даже смутился, когда читал. Я вам очень благодарен за то внимание, которое вы оказали мне и моему искусству. Вы мне очень близкий человек, как родственница. Спасибо вам большое.

Послесловие автора

Более 10 лет прошло после встречи моей с уникальным музыкантом. С тем, кого великий Муслим Магомаев называл «гением азербайджанского пианизма».

Сегодня, когда его не стало, откровения его как бы звучат при ином освещении – пронзительнее, что ли, и роднее, как и мелодии, что лились из-под его пальцев...

Никогда не перерабатываю свои старые материалы. Это равносильно их убийству. Подновлять эмоцию того, уже далекого дня, по меньшей мере, глупо.

А тогда... Помню, как он отреагировал на те мои публикации, как позвонил из Сан-Франциско, утопив в комплиментах. С жаром, ему свойственным. По-другому и не умел. Ничего не умел. Ни играть, ни исповедоваться...